Конституционное право

УДК 340.12

ХОРУНЖИЙ Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», доцент кафедры конституционного и административного права РАНХиГС (Воронежский филиал), Воронеж (E-mail: snhor@mail.ru)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ БАЛАНС КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Аннотация

Предмет/тема. В настоящей статье рассматриваются конституционные аспекты баланса прав и законных интересов с точки зрения их отраслевого содержания, реализации в нормах действующего законодательства, а также практической деятельности органов государственной власти. Анализируется тесная связь баланса с конституционной идеологией.

Цели/задачи. Целью предпринятого исследования является обоснование возможности квалификации баланса в качестве самостоятельной конституционно-защищаемой ценности, что достигается решением, в частности, следующих задач: исследование междисциплинарного значения баланса интересов; проведение межотраслевого сопоставления частных и публичных интересов; обоснование конституционно-закрепленного консенсуса, основанного на букве и духе Основного закона, который выступает базой для построения баланса системы ценностей.

Методология. В ходе работы использовался системный подход в его компаративистском, сравнительно-правовом значении, с учетом системной взаимосвязи сформулированных Конституционным судом РФ правоположений, а также приемы деконструкции юридических норм к существующим общественным отношениям.

Вывод. Межотраслевое применение баланса в частных и публичных отношениях, правовое регулирование баланса прав и законных интересов, а также закрепленных в Конституции РФ фундаментальных принципов права, свидетельствует о существовании правового баланса в качестве самостоятельной конституционно-защищаемой ценности.

Ключевые слова: баланс, конституционные ценности, частные и публичные интересы, конституционная идеология, принципы права.

Constitutional law

Sergey N. Khorunzhiy, PhD in Juridical sciences, Voronezh State University, Department of Civil law and Civil Process, Faculty of Law; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), branch in the city of Voronezh, Voronezh (E-mail: snhor@mail.ru)

CONSTITUTIONAL BALANCE AS AN INDEPENDENT VALUE

Abstract

Rationale This article examines the constitutional aspects of the balance of rights and legitimate interests in terms of their content industry, the implementation of the law in force, as well as practical activities of public authorities. The balance and the constitutional ideology has been also analyzed.

Objective The main goal of the present research was to prove the possibility of qualification of independent balance as a separate constitutionally-protected value. This goal was reached through the solution of such research problems as exploration of the value of interdisciplinary balance of interests; conduction of the cross-sectoral comparison of private and public interests; justification of consensus, based on the Constitution of Russia; determination of the balance of values.

Methods Within the conducted research such research method as systematic approach has been employed in its' legal-comparative approach with a glance to the legal position of the Constitutional Court of the Russain Federation as well as the methods of legal norms' deconstruction on the social relations.

Conclusions and Relevance Interdisciplinary use of the balance in private and public relations, legal regulation of the balance of rights and legal interests, as well as the constitutional entrenchment of the fundamental principles of law, indicate the existence of a legal balance as an independent constitutionally-protected value.

Keywords: balance, constitutional values, private and public interests, the constitutional ideology, principles of law.

JEL classification: K1, K4

Поиск баланса защищаемых Конституцией России ценностей, расстановка актуальных и эффективных приоритетов развития общества и государства постоянно находятся в сфере научной дискуссии. Конституционная идеология баланса защищаемых ценностей обеспечивает не только гармонизацию собственно конституционных ценностей и равновесие способов их защиты, но идет значительно дальше – она позволяет выйти за узконормативные рамки юридического позитивизма, объяснить и обеспечить действенность постоянно меняющегося соотношения указанных выше ценностей, реконструируя существующую правовую реальность [16]. С одной стороны, это гарантирует преемственность правовых ценностей, с другой стороны, позволяет уйти от избыточного консерватизма и рисков развития системы государства и права в реакционном направлении.

Вышесказанное возможно только в случае признания баланса в качестве самостоятельной правовой ценности. Применение права с учетом данной позиции позволяет легитимно разрешать не только доктринальные конституционные споры, но и находить ответы на более узкие, возникающие на практике юридические вопросы. Так, по одному из дел, Конституционный Суд РФ (далее также – Суд), ссылаясь на взаимосвязь провозглашенной в преамбуле цели обеспечения благополучия и

процветания России, исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями и во исполнение конституционной обязанности каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, выводит принцип приоритета публичных интересов в отношениях, связанных с использованием лесных ресурсов. В практическом аспекте рассмотренного Судом дела сказанное предполагает, в частности, обеспечение сохранности лесного фонда, его рациональное использование и эффективное воспроизводство, ответственность субъектов хозяйственной деятельности, связанной с использованием лесов, за соблюдение установленного лесным законодательством правопорядка и их публичные обязательства по восполнению части лесного фонда, утраченной в результате хозяйственной деятельности[1].

Действительно, прямое и буквальное восприятие норм Основного закона без системной взаимосвязи с другими конституционными правоположениями, не соответствует самой идее Конституции, формирует ошибочное мнение относительно содержания конституционных предписаний. Например, установление о том, что Российская Федерация является светским государством (статья 7 Конституции РФ), может выглядеть как положение, исключающее религиозный компонент в государстве [1, 13, 19]. Косвенным подтверждением такого предположения может стать сравнительный анализ с конституциями других государств, во многих из которых религиозные основы получили непосредственное отражение в тексте Основного закона (Андорра, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Индия, Ирландия, Мальта, Норвегия, Польша, Турция, Швейцария и др.). Отсутствие подобных норм в тексте Конституции РФ с констатацией светского характера Российской Федерации становится порой основанием для утверждений о «принудительно укороченном (в Конституции РФ – С.Х.) ценностном ряде», что «тождественно деидеологизации государства» и на практике якобы приводит «к утрате государством и обществом духовных (и в светском, и в религиозно-мировоззренческом смыслах) ценностных ориентиров, консолидирующей национальной идеи» [14, с. 6–7]. Представленное утверждение можно считать верным только в случае принципиального исключения конституционного баланса правовых ценностей.

Представляется, что взаимозависимость конституционных правоположений, взаимообусловленность их элементов (преамбулы, разделов, статей и пунктов), способствует единству буквы и духа[2], обеспечивает гармонизацию содержащихся в тексте Основного закона

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 21-П; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2015 № 5-О.

[2] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П; постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П.

фундаментальных ценностей, в том числе идеологических, духовных (религиозных) [11, 17]. Конституционно-закрепленный консенсус, основанный на букве и духе Основного закона, выступает базой для построения баланса системы ценностей: апостериорные утверждения наличия единожды императивно установленного содержания ценностей сменяются априорным поиском их гармонии (в правовой доктрине) и непротиворечивости (в практике), с целью последующего нормативного закрепления указанного баланса.

Сказанное позволяет предположить, что текст Конституции РФ формирует собственную правовую ценность – баланс защищаемых конституцией ценностей. Данная гипотеза оживляет целый ряд вопросов в сфере конституционной идеологии, национальной идеи, придавая новый ракурс рассматриваемой проблематике, что позволяет использовать новые механизмы и способы исследования правовой материи. Связь идеологии и ценностей весьма содержательна. По справедливому замечанию Е. В. Смирновой, идеология «как часть ориентационного сознания не только познает, но и осознает окружающую действительность: состоит не только из фактических, но и из оценочных суждений, суждений соотносящих объекты оценки с потребностями и интересами оценивающего субъекта. <…> …идеологические оценки в свою очередь являются лишь одним из видов оценочных суждений (наряду с моральными, эстетическими, религиозными и др.). Идеологическое сознание не является исключительно ценностным, но и ценностное сознание не является только идеологическим» [9, с. 137].

Идеологические постулаты, как очевидно, не являются константами объективного бытия, они лишь в некоторой части сопряжены с ним. В идеологии находит отражение некий консенсус, которому власть (государство) придает определённый статус (обязательный, информативный, рекомендательный, императивный и проч.). Право представляет собой идеальную систему постулирования консенсуса по самым важным общественно значимым вопросам в целях преодоления социальных конфликтов (преступлений, делинквенций и проч.). Таким же образом правовыми средствами власть утверждает истины идеологического порядка. Возникает некая реальность, имеющая отношение к объективной истине, но – консенсуально принятой истине. В свое время Ю. Хабермас высказал весьма интересную, хотя и небесспорную мысль о том, что исследовательские процедуры следует перевести в плоскость интерсубъективного обмена мнениями, где знание не есть объективная истина, но представляет собой некий вариант консенсуса для преодоления конфликтов и противоречий [10].

Вместе с этим консенсуальный характер нормативных предписаний не исключает их конституционности, а, следовательно, и нормативной обязательности. В качестве примера лапидарного по лингвистике и безупречного по стилистике приведем одну из оценок, которую получили

классические, исторически конвенциональные принципы, «нерушимыми pacta sunt servanda и res judicata» в Особом мнении судьи Конституционного Суда России К. В. Арановского: «верность договору и обязательность судебных постановлений столь же конвенционны, сколь и конституционны по принадлежности»[1].

Справедливости ради отметим, что не во всех конституционных правоположениях рассматриваемый баланс присутствует в полной мере на первый взгляд. В качестве примера можно привести часто критикуемые конституционные нормы, устанавливающие институт президентства, выходящий за традиционные рамки доктрины разделения властей. Сюда же следует отнести нормы статей 8 и 9 Конституции РФ, которые по сути декларируют преимущество частной формы собственности, что могло бы свидетельствовать о безоговорочном признании капиталистической системы, в рамках которой экономическое распределение материальных благ крайне мало соответствует пониманию справедливости, признаваемой большинством в обществе. Идеологический баланс конституционно защищаемых ценностей, как представляется, означает возможность сохранения вектора поступательного развития. В нашем примере преобладание частно-собственнической системы хозяйствования уравновешивается другой конституционной нормой, устанавливающей, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ).

Значение подобной правовой деконструкции состоит не в том, чтобы разрушить существующую иерархию ценностей и принципов, но собрать новую позитивно-юридическую аксиоматику.

Конструирование такой правовой реальности можно обнаружить во многих правоположениях Конституционного Суда РФ. Например, исследуя соотношение конституционных гарантий охраны частной собственности, установленные законом и конституционную допустимость лишения имущества не иначе как по решению суда, а также принцип неприкосновенности собственности, гарантии судебной защиты, Конституционный Суд РФ ссылается на фундаментальные принципы верховенства права и юридического равенства, которые запрещают вмешательство государства в отношения собственности. Всё это, по мнению Суда, «не должно быть произвольным и *нарушать равновесие* (здесь и далее – выделено С.Х.) между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает *разумную соразмерность* между используемыми средствами и преследуемой целью с тем, чтобы *обеспечивался баланс конституционно защищаемых* ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»; при этом «правовое регулирование в этой сфере не должно

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П.

посягать на само существо права или свободы и приводить к *утрате их реального содержания*»[1]. Приведенная здесь позиция в части определения баланса ценностей может быть определена через исключительные полномочия судебного толкования. Однако установление баланса не является исключительной дискрецией Конституционного Суда.

В частности, в другом своем постановлении Суд, оценивая предусмотренную Конституцией РФ возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина (часть 3 статьи 55), говорит об обязанности *федерального законодателя* – «находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов». При этом под публичными интересами, которые могут оправдать правовые ограничения, могут быть только те, которые отвечают требованиям «справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, и не затрагивают само существо конституционного права; при допустимости ограничения того или иного конституционного права государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры»[2].

Реализация рассматриваемой властной дискреции находится в рамках компетенции законодателя. Как указывает Конституционный Суд РФ, «именно федеральный законодатель призван, руководствуясь целями *обеспечения баланса конституционных ценностей*, осуществлять правовое регулирование конституционно закрепленных обязанностей, в частности определять объем их нормативного содержания, механизмы реализации, включая уровни правового регулирования, а также меру юридической ответственности за их нарушение»[3].

Кроме того, в специальной литературе также выделяется принципиальная особенность административного судопроизводства, предусмотренного в КАС РФ: поддержание баланса личных и публичных интересов в сфере государственного управления. В качестве элементов системы балансировки публичных и частных интересов посредством КАС РФ приводятся возможность обеспечения защиты «групповых или корпоративных интересов» [4], а также меры предварительной защиты по административному иску.

Обеспечение баланса интересов возможно также посредством развития альтернативных форм защиты гражданских прав, например третейского

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2016 № 9-П. См. также: постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П, от 25.04.2011 № 6-П, от 10.12.2014 № 31-П, от 22.12.2015 № 34-П и др.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2015 № 31-П.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-П. См. также: постановление от 14 мая 2009 года № 8-П.

разбирательства. При этом, как справедливо указывается в научной литературе, законодатель может устанавливать ограничения, исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов и в зависимости от предмета спора, его социальной значимости, состояния гражданского оборота, правовой культуры, а также – социально-экономической системы в стране [3].

Как видим, баланс рассматривается в качестве обязательного элемента реализации дискреционных полномочий законодателя. Иными словами, обнаружение и установление баланса не является прерогативой исключительно судебного толкования, но выступает «обычным» требованием при формировании нормативной правовой базы и судебной правоприменительной практики. В противном случае нам бы пришлось рассматривать баланс исключительно в рамках судебного толкования, что весьма сужает объективную сферу использования баланса в механизме правового регулирования.

Всё это свидетельствует о том, что баланс представляет собой самостоятельную ценность, которая объективируется в качестве отдельного принципа в нормотворческой и правоприменительной деятельности суда. Только при рассмотрении баланса в качестве самостоятельной конституционно защищаемой ценности его определение становится не только актом правоприменительной деятельности со стороны суда, но и самостоятельным принципом в реализации дискреционных полномочий – со стороны законодателя. Заметим, что на первостепенную роль законодателя в установлении системы ценностей и баланса между частным и публичным обратил внимание еще гений Платона [15], который, ведя диалог от имени афинянина, задает вопросы спартанцу Мегиллу: «...распределение ценностей не входит разве в задачу законодателя? <...> так как и мы — ревнители законов, не попытаться ли нам со своей стороны произвести троякое различение, выделив самое важное, а затем — стоящее на втором и на третьем месте?» (697). Получив утвердительные ответы от спартанца Мегилла, афинянин завершает следующей сентенцией: «Итак, мы утверждаем, что государство, желающее себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно различать ценности» (697b). В противном случае государство «совершит дело и негосударственное, и нечестивое» (697c) и подобно персам «развернуться к деспотическому началу», у которых совет правителей «имеет в виду не благо подданных и народа, но лишь свою собственную власть» (697d). Также, что характерно для приверженцев мусического воспитания, в которое включалось не только литературное и музыкальное образование, но и знакомство с основами наук, изучением ораторского искусства, философии и политики, понимание всякого развития (в том числе общества и государства) через установление «чувства ритма и гармонии» (653e), подобно законам египетским (656c, d, e). Указанная гармония, основанная на добродетели и воспитании, требует

мужественности, «ибо истинный судья не должен судить под влиянием театральных зрителей... Человек сведущий не должен из-за недостатка мужества, из-за трусости легкомысленно произносить ложное суждение теми же устами, которыми призывал он богов пред началом суда. Ведь судья восседает в театре не как ученик зрителей, но, по справедливости, как их учитель, чтобы оказывать противодействие тем, кто доставляет зрителям неподобающее и ненадлежащее удовольствие. Именно таков был старинный эллинский закон» (659b, с). «Точно так же хороший законодатель будет убеждать поэта прекрасными речами и поощрениями; в случае же неповиновения он уже станет принуждать его творить надлежащим образом и изображать в ритмах телодвижения, а в гармониях – песни людей рассудительных, мужественных и во всех отношениях хороших» (660) [7, с. 117, 125, 167–168; 3].

Более того, поиск, нахождение и оперирование балансом именно в качестве самостоятельной правовой ценности обеспечивает, с одной стороны, использование существующих конституционных идеологем, с другой, – наполнение идеологических правовых конструкций конкретным юридическим содержанием, исключающим конъюнктурное применение норм Основного закона.

В научной литературе отмечается, что оппозиция «частное – публичное», свойственная правовой доктрине, зачастую не выдерживает испытания на практике [2, с. 410–411]. Современное государство в конституционных целях социального обеспечения и защиты экономически слабой стороны все чаще вторгается в частноправовую сферу посредством ограничения действия принципа свободы договора. В целях нахождения баланса интересов предпринимательства и публичных интересов государства в современных условиях развития экономики частный интерес субъекта предпринимательской деятельности, направленный на извлечение прибыли, стараются дополнить публичными принципами социальной ответственности [8]. Аналогичные изменения происходят, например, в трудовых отношениях, где для повышения защитной составляющей трудового законодательства предлагается существенно усилить регламентацию социального партнерства, рабочего времени, минимального размера оплаты труда, а также правовое регулирование выполнения трудовой функции в группах взаимосвязанных юридических лиц [6].

В конечном счете традиционное правовое регулирование приобретает смешанный частно-публичный или публично-частный характер. В свою очередь, частное право вторгается в публичную сферу, например в сфере предоставления публичных услуг. Указанные процессы формируют особое, так называемое, «мягкое право», призванное гармонизировать формируемое по факту регулятивное воздействие.

Самостоятельная ценность баланса позволяет конструировать нормативную иерархию конституционных ценностей (в том числе, с учетом соотносимости частных и публичных интересов) [12], придавая

объективно неформализованным ценностям (справедливости, разумности, гуманизма и т.п.) [18], «видимость которых обманчива» (лат. decipimur specie recti – «мы обманываемся видимостью правильного», Гораций), форму конкретных юридически защищенных правовых ценностей.

Так, осуществляя проверку ряда положений Гражданского кодекса РФ, Конституционный Суд указал, что конституционные требования справедливости и соразмерности предопределяют дифференциацию публично-правовой ответственности, поэтому «уголовно-правовые и административно-правовые санкции, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий … тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного и административного наказания совершенному правонарушению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств». Суд применил положения, регламентирующие публично-правовую ответственность, к регулированию гражданско-правовой «в той мере, в какой устанавливаемые законодателем штрафные по своему характеру санкции выполняют и публичную функцию превенции» (пункт 4.1)[1]. Как видим, Суд использовал аналогию права, придав балансу частных и публичных интересов самостоятельную ценность: публичные цели пресечения правонарушений (в сфере интеллектуальных прав) были квалифицированы в качестве частноправового института, что позволило обеспечить баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота (пункт 4.2).

Кроме того, самостоятельная ценность баланса позволяет Суду использовать его в качестве основного принципа, определяющего весь порядок исполнения постановленного решения: «в целях достижения баланса конституционно значимых ценностей и в интересах субъектов права», Конституционный суд считает «возможным определить…порядок исполнения … Постановления»[2]. Данный пример интересен также тем, что сами правоположения, содержащие порядок исполнения судебного акта вынесены из «классической», резолютивной части решения в завершение мотивировочной. Последнее вполне понятно: в резолютивный части должны присутствовать ссылки на конкретные нормы закона, что, в нашем случае, не представляется возможным – апелляция к «достижению баланса» является дискрецией Конституционного суда. Вместе с тем, именно данная дискреция – усмотрение высшей судебной инстанции – определяет весь порядок исполнения постановленного решения, в том числе и присутствующих в нем нормативных предписаний. Указанное

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П.
[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П.

возможно только при рассмотрении баланса в качестве самостоятельной правовой ценности.

Использование баланса в качестве самостоятельной правовой ценности в законотворческой и правоприменительной сферах позволяет уравновесить публично-правовые и частноправовые начала правового регулирования, оперативно перестраивая существующую правовую материю и разрешать возникающие на практике проблемы в соответствии с актуальными запросами юридической жизни с учетом фундаментальных конституционных принципов.

Список источников:

1. Арапов А.В. 2016 – *Арапов А.В., Хорунжий С.Н.* Принцип повиновения власти: христианский и конституционный взгляд на современную правовую среду // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 76-81.

2. Варламова 2016 – *Варламова Н.В.* Право в условиях глобализации: отход от традиционных теоретических дихотомий / Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Ид юриспруденция, 2016. – 480 с.

3. Кажлаев 2016 – *Кажлаев С.А.* Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 119–124.

4. Лосев 1999 – *Лосев А.Ф.* Комментарии к диалогам Платона Законы // Платон. Законы / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999.

5. Лупарев 2015 – *Лупарев Е.Б.* Поддержание баланса личных и публичных интересов в сфере государственного управления в свете Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 49–52.

6. Лютов 2016 – *Лютов Н.Л.* Социальные и трудовые отношения в условиях экономического кризиса: соблюдение баланса интересов // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 30–38.

7. Платон 1971 – *Платон*. Сочинения в 3 томах. Т.3. Ч.2. М., 1971.

8. Рябова 2016 – *Рябова Е.В.* Принцип баланса интересов предпринимателей и публичных интересов государства // Юрист. 2016. № 8. С. 21–24.

9. Смирнова 2016 – *Смирнова Е.В.* Идеология в системе общественного сознания // КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: политика, экономика, культура. 2016. № 1(46). С. 134–141.

10. Хабермас 1992 – *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

11. Хорунжий 2015 – *Хорунжий С.Н.* Конституционная идеология как аксиологический элемент современной правовой среды // Журнал Конституционного правосудия. 2015. № 3(45). С. 31–34.

12. Хорунжий 2016 – *Хорунжий С.Н.* Правовые основы защиты частных и публичных интересов // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 34–40.

13. Хорунжий 2016 – *Хорунжий С.Н.* Религиозная мораль в историческом контексте нормативного содержания современной правовой среды // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 54–57.

14. Якунин 2007 – *Якунин В.И.* Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Государство и право. 2007. № 5. С. 5–12.

15. Dominic O'Meara. The Beauty Of The World In Plato's Timaeus // ΣΧΟΛΗ 8.1 (2014) 24–33.

16. James D. Fry. Pluralism, Religion, and the Moral Fairness of International Law // Oxford Journal of Law and Religion, Vol. 3, № 3 (2014), pp. 393–418.

17. Lourdes P. Deconstructing 'Legal' Religion in Strasbourg // Oxford Journal of Law and Religion (2013) 3 (2): 235-257.

18. Myra N. Blyth. Re-imagining Restorative Justice: The Value of Forgiveness // Oxford Journal of Law and Religion (2016) 5 (1): 66-78.

19. Tasioulas J. Human Rights, Legitimacy, and International Law // The American Journal of Jurisprudence, Vol. 58, № 1 (2013), pp. 1–25.

References:

Arapov 2016 – *Arapov A.V., Horunzhiy S.N.* Submission to Governing Authorities: christian and constitutional view on the contemporary regulatory environment [Printsip povinoveniya vlasti: hristianskiy i konstitutsionnyiy vzglyad na sovremennuyu pravovuyu sredu], Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya] 2016. № 2. P. 76-81 [in Russian].

Dominic O'Meara. The Beauty Of The World In Plato's Timaeus // ΣΧΟΛΗ 8.1 (2014) 24–33.

Habermas 1992 – *Habermas Yu.* Modern - unfinished project [Modern – nezavershennyiy proekt], Voprosy Filosofii [Voprosyi filosofii] 1992. № 4. P. 40–52 [in Russian].

Horunzhiy 2015 – *Horunzhiy S.N.* Constitutional ideology as axiological element modern legal environment [Konstitutsionnaya ideologiya kak aksiologicheskiy element sovremennoy pravovoy sredyi], Journal of Constitutional Justice [Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya] 2015. № 3(45). P. 31–34 [in Russian].

Horunzhiy 2016 – *Horunzhiy S.N.* Legal grounds for the protection of private and public interests [Pravovyie osnovyi zaschityi chastnyih i publichnyih interesov], The journal «Juridical Science» [Yuridicheskaya nauka] 2016. № 5. P. 34–40 [in Russian].

Horunzhiy 2016 – *Horunzhiy S.N.* The religious morality historical context of modern the legal sphere [Religioznaya moral v istoricheskom kontekste normativnogo soderzhaniya sovremennoy pravovoy sredyi], The journal Juridical Science [Yuridicheskaya nauka] 2016. № 2. P. 54–57 [in Russian].

James D. Fry; Pluralism, Religion, and the Moral Fairness of International Law *Oxford Journal of Law and Religion* 2014; Vol. 3, № 3: 393–418.

Kazhlaev 2016 – *Kazhlaev S.A.* [Dostizhenie balansa chastnogo i publichnogo interesa v treteyskih sporah], Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava] 2016. № 4. S. 119–124 [in Russian].

Losev 1999 – *Losev A.F.* Comments to the dialogues of Plato's Laws [Kommentarii k dialogam Platona Zakonyi], Think [Myisl] Moscow, 1999 [in Russian].

Lourdes Peroni; Deconstructing ‘Legal’ Religion in Strasbourg. *Oxford Journal of Law and Religion* 2013; 3 (2): 235-257.

Luparev 2015 – *Luparev E.B.* Balancing Personal and Public Interests in the Sphere of Public Administration in View of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation [Podderzhanie balansa lichnyih i publichnyih interesov v sfere gosudarstvennogo upravleniya v svete Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii], Administrative Law and Procedure [Administrativnoe pravo i protsess] 2015. № 11. P. 49–52 [in Russian].

Lyutov 2016 – *Lyutov N.L.* Social and Labour Relations During Economic Crisis: How to Balance the Interests [Sotsialnyie i trudovyie otnosheniya v usloviyah ekonomicheskogo krizisa: soblyudenie balansa interesov], Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava] 2016. № 1. S. 30–38 [in Russian].

Myra N Blyth; Re-imagining Restorative Justice: The Value of Forgiveness. *Oxford Journal of Law and Religion* 2016; 5 (1): P.66-78.

Platon 1971 – *Platon*. Works in 3 volumes. V.3. Part 2. Moscow, 1971 [in Russian].

Ryabova 2016 – *Ryabova E.V.* The principle of balance the interests of employers and public interests of the State [Printsip balansa interesov predprinimateley i publichnyih interesov gosudarstva], Jurist [Yurist] 2016. № 8. P. 21–24 [in Russian].

Smirnova 2016 – *Smirnova E.V.* Ideology in the system of public consciousness [Ideologiya v sisteme obschestvennogo soznaniya], THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture [KASPIYSKIY REGION: politika, ekonomika, kultura] 2016. № 1(46). P. 134–141 [in Russian].

Tasioulas J. Human Rights, Legitimacy, and International Law // The American Journal of Jurisprudence, Vol. 58, № 1 (2013), P. 1–25.

Varlamova 2016 – *Varlamova N.V.* The right in the conditions of globalization: withdrawal from traditional theoretical dichotomies [Pravo v usloviyah globalizatsii: othod ot traditsionnyih teoreticheskih dihotomiy], The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation [Institut zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya pri pravitelstve Rossiyskoy Federatsii; Moskovskiy gosudarstvennyiy yuridicheskiy universitet im. O.E. Kutafina (MGYuA). – M.: Id yurisprudentsiya] 2016. – 480 s. [in Russian].

Yakunin 2007 – *Yakunin V.I.* State ideology and national idea: constitutional-value approach [Gosudarstvennaya ideologiya i natsionalnaya ideya: konstitutsionno-tsennostnyiy podhod], The journal State and Law [Gosudarstvo i pravo] 2007. № 5. P. 5–12 [in Russian].